

ГЕРОИКА СОЗИДАТЕЛЬНОГО ТРУДА

К 100-летию со дня рождения Федора ГЛАДКОВА

КЛАССИКА СТРАНЫ СОВЕТОВ

миллионный коллектив рабочих и колхозников нашей родины».

Художником нового типа был и сам Гладков. Участник революционного движения в Забайкалье и на Кавказе, подполковник в захваченном Лениным Новороссийске, после освобождения города он с тем, кто восстанавливает знаменитый цементный завод. Позже писатель некоторое время живет на Волховском, выезжает в Магнитогорск и Челябинск, где разворачиваются крупнейшие стройки первой пятилетки, несколько лет является специальным корреспондентом «Известий» на Днепрострое.

Центральным произведением Гладкова стал роман «Цемент», опубликованный в 1925 году. «На мой взгляд, это — очень значительная, очень хорошая книга», — писал Гладкову А. М. Горький. — В ней впервые за время революции крепко взята и ярко освещена наиболее значительная тема современности — труд. До Вас этой темы никто еще не коснулся с такой силой. И так умно». В самоотверженном труде, в борьбе за возрождение завода раскрывается героический характер коммуниста Глеба Чумалова, выпрыгивающего и мучающего идущие за ним люди, цементируются новые общественные отношения.

Свое credo человека и художника Гладков сформулировал так: «...Я заражен особой склонностью искать прежде всего в нашей действительности рестики нового, созидательного, того в первую очередь, чем и как мы движемся в будущее. Мне важен не «живой человек», как он есть, а живой человек в становлении, в постоянном росте, в своей творческой зрелости, в борьбе за будущее — человек, в сегодняшнем дне которого уже воплощаются заветы рашинский день».

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ГОРЬКОВСКАЯ ЭСТАФЕТА

КОГДА появился «Цемент» Федора Гладкова, наша молодая литература жила еще событиями гражданской войны. Проза полилась гулом недавних боев, вставали перед глазами картины беспощадной вооруженной борьбы. Борьбы, как говорится, не на жизнь, а на смерть. И роман Гладкова был первой глубокой книгой о возвращении к жизни и труду после долгой, тяжелой, изуродованной войны.

Сейчас, спустя десятилетия, трудно, наверное, ощутить всю тогдашнюю новизну «Цемент». Ведь за ним стоит уже целая литература. Но вспомним, что вышел он всего лишь через год после «Железного потока». И за два года до фадеевского «Разгрома».

Кстати, роман Серафимовича Гладков впервые не прочитал даже, а услышал в чтении самого автора у него дома. Позже Федор Васильевич обстоятельно описал этот вечер и пережитое им тогда потрясение. Он слушал роман с особым интересом, потому что сам был непосредственным свидетелем движения «железного потока» через Новороссийск. И, работая над «Цементом»,

в основу которого положены события, происходившие в том же Новороссийске, Гладков в свою очередь читает новые главы Серафимовичу.

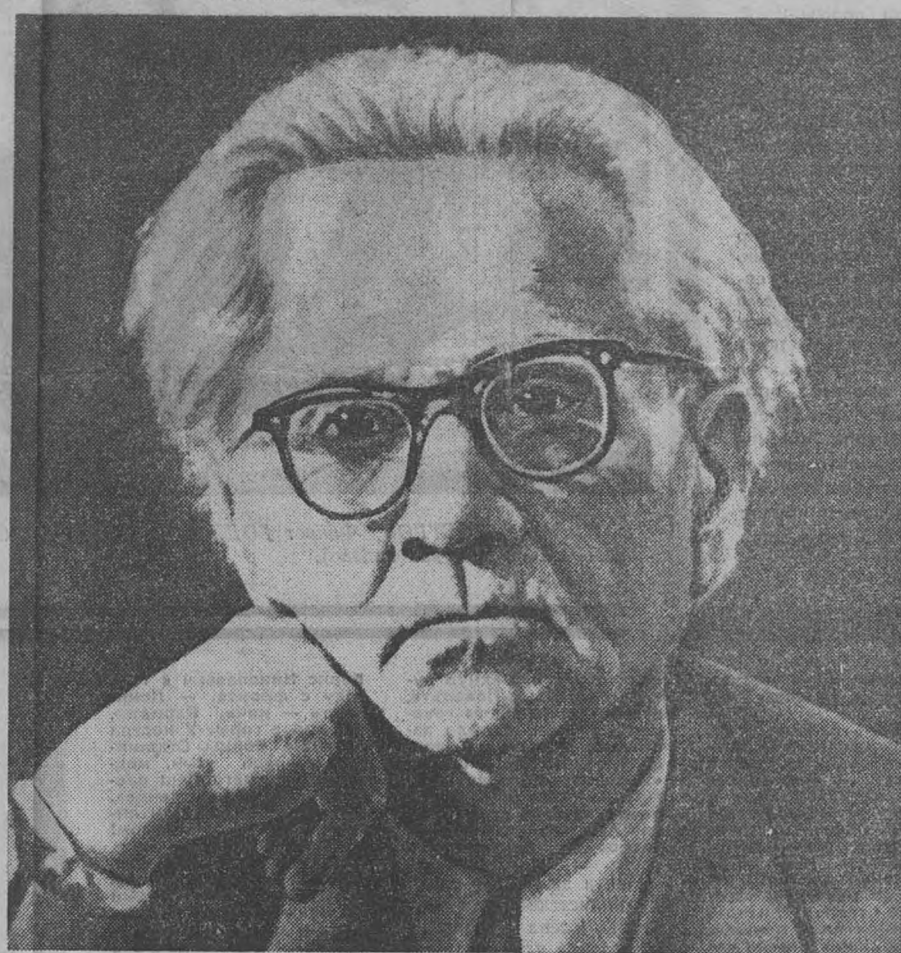
Не будет натяжкой сказать, что в «Цементе» по-своему продолжается «Железный поток». Тут нет, конечно, сюжетной связи, но есть одинаковый накал жизни, монолитность коллективных усилий, неколебимая твердость духа. Эту преемственность Гладков подчеркивает названием романа: «цемент» из того же образного ряда, что и «железный поток». Но если в заглавии романа Серафимовича реализуется лишь переносный смысл, то «цемент» у Гладкова не только символ, это еще и тот реальный строительный материал, ради которого, не щадя себя, люди восстанавливают заброшенный завод.

Известно, как горячо принял «Цемент» А. М. Горький. Для него этот роман был творческим достижением не одного только Гладкова, а всей советской литературы, важнейшим художественным открытием на ее пути. «Основным героем наших книг мы должны избирать труд...» — говорил Горький на Первом съезде писателей. — Мы должны понимать труд как творчество». К этому как раз и стремился Гладков.

Мы были земляками с Федором Васильевичем: оба саратовцы. И это житейское обстоятельство заставляло меня с особым вниманием относиться ко всему, что он писал и говорил. Помню, мы шли с ним в Москве вниз от Пушкинской площади, по улице Горького, и, может быть, поэтому он с волнением и страстью заговорил об Алексее Максимовиче, с которым переписывался, встречался, беседовал, а порою и спорил, у которого гостил в Сорренто.

Услышав от Гладкова несколько историй из его детства, Горький настоятельно советовал ему взяться за повесть о пережитом. Эта «повесть» разрослась в многотомную автобиографическую эпопею, казалось бы, неожиданную для Гладкова — неторопливого, обстоятельного. Речь его, прежде напряженная, нерваная, здесь успокаивается, очищается. В картинах деревенского детства ошутима вся полнота жизни. При этом его драматизм не исчезает, но как бы погружается на большую глубину.

...В свое время в Новороссийске Гладков участвовал в восстановлении цементного завода. Он знал, что цемента нет, а нужен он разоренной, возрождающейся стране, как воздух. И знаменитый роман был еще и мечтой писателя о строительстве, мечтой о цемента. И как бы в осуществлении этой мечты вырос у нас на саратовской земле крупнейший в стране центр цементной промышленности.

Снимок 1957 года

«...НЕТ ПУТИ к счастью более верного, чем путь свободного труда» — эти горьковские слова можно поставить эпиграфом к произведению Федора Гладкова. Ведь именно он положил начало художественному осмыслению темы свободного творческого труда рабочего класса, открыв в литературе новый эстетический материал.

Свой первый рассказ Гладков напечатал еще в 1900 году, но в полную силу его талант раскрылся четверть века спустя — в романе «Цемент». О том времени, когда создавался роман, автор писал: «Родились новые люди, зарождались новые формы быта, общественных отношений. Я жил и дышал этой борьбой, как рядовой партии и работник. И в этой борьбе впервые всплыла во мне новая система образов, я весь был захвачен поимой «Цемент».

Писатель настойчиво называет роман поэмой, потому что «Цемент» пронизан романтической всенародной созидания. История возрождения мертвого, казалось бы, навсегда замкнувшегося, обреченного на забвение завода, и составляет содержание романа-поэмы. Воскресает завод — и воскресает человек, формируются цели, героические характеры, по-новому складываются людские судьбы. И все это — результат горячего, самозабвенного труда, организованного и направляемого партией коммунистов. Уже в самом заглавии романа заключен выразительный символ несокрушимой партийной воли, которая надежно соединяет, сплачивает творческие силы народа.

На цементном фундаменте строит Гладков свой новый роман «Энергия». Его первая книга выходит в свет в 1932 году и сразу же, как и «Цемент», вызывает широчайший отклик по всей стране.

«Своеобразие нашей действительности», — говорил Федор Гладков на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, — создало новый тип художника слова. Характерная его особенность заключается в том, что он не пассивный наблюдатель со стороны, не человек, одиноко идущий своей дорогой и с презрением взвешивающий на топу, а активнейший участник всех дел и событий. Он — весь в практике создания нашей жизни, в практике тех великих работ, которые совершает много-

Снимок 1957 года

«...НЕТ ПУТИ к счастью более верного, чем путь свободного труда» — эти горьковские слова можно поставить эпиграфом к произведению Федора Гладкова. Ведь именно он положил начало художественному осмыслению темы свободного творческого труда рабочего класса, открыв в литературе новый эстетический материал.

На стихийных обсуждениях и читательских конференциях, где бы они ни проводились, выясняется, что рабочие воспринимают роман как повествование именно об их заводе, об их стройке. Каждый находил здесь свою биографию, свой опыт, и общественно-трудовой и личный.

«Энергия» потрясла и восхитила даже такого, казалось бы, далекого от индустриальной темы писателя, как Андрей Белый. В 1933 году он опубликовал в «Новом мире» замечательную по мастерству и философской глубине статью об «Энергии». Это, пишет Андрей Белый, «роман эпохальный по многогранности, уму, мастерству», он заряжает читателей энергией своего восторга; но и предвещает к читателю ряд строгих требований: надо довериться до понимания того нового знания, которое он вносит в нашу литературу; и энергия восторга, и грусть, электризирующие роман...убеждают до победительности: грусть, сопутствующая восторгу, есть грусть о том, что медленное, трудное реальное претворение людских друг о друга, что не сопереживание трагическим пожаром сознания...Композиция сцен очерчивает диспут перестраивающихся мировоззрений, вызванный уже «досаждающим» почти до каждого лучом, брызнувшим из будущего...»

ВО ИМЯ ОБНОВЛЕНИЯ МИРА

Бертольт Брехт и другие замечательные писатели с мировым именем. Хотелось бы напомнить письмо Романа Ролана к Гладкову: «Вот старого мира — индивидуальность», «человечность» — бегут из лагеря ваших восторгов: они идут к вам. Примите их! И примите руку того, кто их к вам ведет. Эта рука испытана в боях целой жизни. Она верна: И она жмет вашу руку».

Советский писатель Гладков всегда ощущал свою тесную связь с народами мира. Последовательный интернационалист, он писал в автобиографии: «Книги мои переведены на все западные языки, а «Цемент» — на все языки мира. Летом в 1946 году был в Болгарии и Югославии и пережил истинное счастье: я узнал там, что мои книги помогали борьбе с фашизмом. Свою популярность среди широких народных масс этих стран я воспринял как признание того, что и я — участник их революционной борьбы».

В предисловии к «Цементу», вышедшему в 1951 году в Берлине, отмечен растущий интерес к нему немецких читателей: «Двадцать лет тому назад мы чи-

тали «Цемент» с удивлением, сегодня мы читаем его, всматриваясь в наши собственные задачи... Вот почему роман Гладкова находит в Германии все новых и новых читателей, которые не просто восторгаются этим произведением, но руководствуются им в жизни».

В середине 70-х годов, впервые в ФРГ, «Цемент» получает сценическое воплощение в Драматическом театре Франкфурта-на-Майне. Газета «Унтерзеайт» отметила, что спектакль «крайне актуален», потому что «созвучен нынешним требованиям западногерманских трудящихся, борющихся за право управления производством».

ПОГЛОЖИЛ летний день 21 июня 1938 года мы праздновали день рождения Федора Васильевича в маленьком садике его дачи в Краскове под Москвой. То был последний день рождения, который отмечался при жизни писателя.

Федор Васильевич был настроен лирически и прочел (он любил читать стихи) двустопные своего друга, армянского поэта Аветика Исаакяна.

Нет, сердце не очерствело, в сердце вечно таю мечтанья мои и слезы,

любовь и нежность мою. Гладков нежно любил людей, природу, хорошую книгу, музыку, стихи и песни — самую обыкновенную жизнь. Но все, что он любил в жизни, было пронизано и согрето, по его словам, революционными идеями.

Он говорил: «Я принадлежу к тем счастливым, у которых революционные идеи живут не только в мозгу, но и в сердце, омываются его кровью».

Идеи эти родились из страстного желания, чтобы все человечество было вместе, чтобы люди всех стран объединились в борьбе с кровавыми войнами, грязью, подлостью, угнетением человека, в борьбе за счастье свободного, творческого труда — за красоту жизни.

В произведениях Федора Гладкова революционеры старшего поколения чувствуют свою кровную, отцовскую связь с юными, а юные радостно ощущают, что растут из крепких, хороших корней.

В романе «Энергия» прозвучал как-то ночью на строительстве молодой басок: «Словно мы в пространстве новом, словно в новых временах».

Продолжается жизнь, и живет в «Новых временах» энергия созидателей.

Эстетика труда и борьбы во имя революционного обновления мира Гладков по истине выстрадал всей своей жизнью. Ему было трудно, подчас трагически трудно. Битый-побитый мальчонка из нищей крестьянской семьи чуть ли не в отроческие годы принимал участие в революционном движении, каким-то фантастическим усилием воли получал образование, становился народным учителем, потом профессиональным революционером, проходил через тюрьму и ссылку, а после Октября он — видный деятель советской культуры, один из основоположников литературы Страны Советов.

В своих воспоминаниях Константин Федин справедливо писал: «Федор Васильевич Гладков, мне представляется, был среди выдающихся людей очень выдающимся. Среди «главных» людей он был главным по-своему, «главным» особенным».

АРХИВ «ЛГ»

Ф. Гладков был тесно связан с Северным Кавказом. Учился в Екатеринодаре, первые рассказы напечатал в «Кубанских областных ведомостях», работал в Новороссийске... Об этих местах идет речь в романе «Цемент», в повести «Метельная юность», в рассказах и очерках. Всю жизнь Гладков переписывался с героями своих книг. Незадолго до смерти он откликнулся на письмо директора Новороссийского краеведческого музея Е. Засыпкина.

...В Новороссийске я прибыл в 1910 году (в январе), возвращаясь из сибирской ссылки, по приглашению одного товарища-марксиста.

Никакой революционной, подпольной работы в городе и на заводах не было. С разгромом Новороссийской республики были разгромлены и партийные организации. Я жил частными уроками, потом преподавал в частной прогимназии некоей Эрастовой. Затем в 1912 году приглашен был инспектором народных училищ Рукавишниковым (он известен был среди учителей как человек, который подбирал «неблагонадежных» для работы в школах, так как они, по его мнению, были самыми способными и хорошими работниками) преподавателем в городское училище.

В это время я связался и сблизился с некоторыми рабочими цементного завода и проводил с ними беседы по праздникам в лесу или в каменоломнях. В училище и в педагогических классах преподавал историю и методику географии. Здесь же нашел хорошую почву для организации группы молодежи по изучению марксизма.

РАССКАЗЫВАЮТ ПИСЬМА

В этой пропагандистской работе я нашел товарища, большевика по убеждению, преподавателя Емельянова, который, как потом я узнал, был в большевистской группе в Ставрополе, руководимой Ильей Санжуром, погибшим в Петербурге в 1918 году.

С этим очень ярким человеком я познакомился еще в 1906 году в Тифлисе и с ним же приехал в Ейск, где под его руководством выступал на митингах, вел два рабочих кружка и очень удачно провели стачку портовых рабочих. Все листовки того времени писал я. Арестован я был уже в Забайкалье, куда скрылся от преследования охраны (Санжур исчез на Кавказе), как один из организаторов большевистской группы в Срединске под руководством члена Читинского комитета большевиков Моисея Губельмана, брата Е. М. Ярославского, — арестован был первым, так как охранка следовала за мной еще с 1904 года, а из Ейска нашла следы в Забайкалье.

С этим Емельяновым нам удалось отобрать наиболее способных и склонных к политической работе наших, которые потом все вступили в партию... В 1914 году я был назначен заведующим Высшим начальным училищем в станице Павловской, где пробыл до весны 1918 года... В Новороссийске я пошел на цементный завод «Пролетарий» и пробыл там несколько месяцев. Большевики в Новороссийске внезапно; и я зачислился в Чешскую колонию. Из станиц Павловской и Екатеринодара тайно предпринимали поездки по розыске

каким-то Чрезвычайным судом, а Войскава Рада объявила меня вне закона для Кубани.

Во время белых я сумел организовать группу учителей и учеников старших классов, наладил связь с краснозелеными за перевалом...

С приходом Красной Армии с первых же дней получил ответственное партийное поручение, вел редакционную работу в газете, участвовал добровольцем против десанта Врангеля в Сукко. В этом походе вместе со мной участвовал Вс. Вишняковский — драматург. В «Красном Черноморье», когда я был редактором, он сотрудничал в газете. В 1921 году я избирался членом окружного комитета, заводом отделом народного образования.

Вызванный в Москву Горьким через Луначарского, я с конца 1921 года живу и работаю в Москве... «Цемент» написан мною по горячим следам моей партийной и советской работы в Новороссийске.

Молодой краснодарский журналист, ставший теперь писателем, Георгий Соколов в послевоенные годы работал корреспондентом газеты «Промышленность» строительного отдела по Северному Кавказу и часто бывал у цементников Новороссийска. Перед одной из поездок журналиста в Москву, в редакцию, рабочие вручили ему письмо для передачи Ф. В. Гладкову. В письме была просьба написать о возрождении цементных заводов после Великой Отечественной войны. Писатель согласился помочь. Письмо от 8 октября 1948 года обращено к Г. В. Соколову: Уважаемый! Георгий Несомненно, цементники пережили богатую эпоху за три десятилетия, а годы Отечественной войны были страшными для них потрясениями. Вы правы, теперь там и люди иные, и задачи сложные. «Цемент» написан четверть века назад, и за это время выросло новое поколение государственных людей с большими познаниями и широким политическим кругозором. Но основные черты героя «Цемент» унаследованы новыми людьми. Это черты большевиков, борцов и созидателей, строителей социализма. Правда найдена была и тогда, но она утвердилась в напряженной борьбе. Внутренние противоречия неизбежны: они и теперь действительны, но в других формах, с иным содержанием. Об этом забывать художнику нельзя. Человек борется не только с внешними преградами, но только за достижения исторических целей, но и с самим собой, с пережитками, предрассудками, со слабостями и заблуждениями. Еще много в нашей жизни людей, которые заражены эгоистическими стремлениями в разных

видах. Идет напряженная борьба людей и между собой. Это Вы, разумеется, знаете хорошо, наблюдая и изучая действительность. Этого, конечно, не чужды и цементники, и связанные с ними люди.

Я сочувствую Вашему желанию писать о цементниках Новороссийска. Пишите неторопливо и вдумчиво. Напишите — пришло мне. Вдвоем писать я не могу: привык работать надвину с собой.

Желаю Вам успеха. Фед. ГЛАДКОВ

Публикация Н. ВЕЛЕНТУРИНА

В 1901 году Гладков подал свою повесть М. Горькому. Упоминание в письме о поместках на полях и приписках: «Писать Вам нужно. У Вас есть умные наблюдения жизни», есть любовь и людям. Надо только писать кратко и метко...» Погорьковским, аниматором и требовательно относился к себе и сам Гладков к молодому автору. Много сил отдавал он воспитанию писателя: сменой работая директором Литературного института имени А. М.

Горького, будучи членом редколлегии журнала «Новый мир». На бланке «Нового мира» написано письмо Гладкова начинающему автору — Д. С. Голланду.

10—VII—40 Уважаемый товарищ Голланд!

Вы знаете и любите жизнь и людей, умеете наблюдать и вдумчиво воспринимать действительность. И пусть Вы можете. Но, на мой взгляд, все три рассказа — еще не литература. Вы берете тему, не продумываете ее до конца, до деталей, не анимаете в житейскую правду людских отношений и пишете сгорча. В результате получается неубедительно, неправдиво. Особенно сказывается это в рассказах «Отец» и «Муж» (точное название не помню). Из заметок на полях и отметок в тексте Вы сами сделаете такие выводы. А между тем возмите любой рассказ Чехова, изучите приемы его живописи, обратите внимание на отдельные

поражающие Вас места и выражения и сравните их со своими словесными средствами. И Вам станет ясно, в чем Ваша слабость и что Вам нужно преодолеть. Вы сами знаете, что труд писателя — самый тяжелый и мучительный путь. Многие годы проходят в неустанной и напряженной борьбе за освоение литературного мастерства. Эта борьба полна неудач и разочарований, но чем беспощаднее отношение к себе, тем вернее достигнете цели. Способности у Вас есть, и Вы, не бросая другой работы, пишите пока для себя, учась, не бросая руку. Не горюпите печатать сырые, не сделанные вещи. Главное, научитесь выбирать самые свежие, самые удачные, объемные слова, которые выражали бы всю глубину, всю суть Вашего видения. Желаю успехов. С приветом Фед. ГЛАДКОВ Публикация Л. ГОЛЛАНД

«ЖЕЛАЮ ВАМ СКОРЕЙШЕЙ И БЛИСТАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ»

В самом начале 1945 года жена прислала мне на фронт только что вышедшую книгу Федора Гладкова «Клятва». Эта небольшая повесть с неожиданным для военных лет подзаголовком «Записки фрезеровщика» произвела сильное впечатление на меня, и на моих товарищей из полка. Мы решили написать Федору Васильевичу Гладкову, поблагодарить за книгу, рассказать, как помогает она в политической работе.

Тогда же мы и сфотографировались вместе: Алексей Чуманов, Николай Подбельцев, я и Николай Карамин. Мы прибавляли уверенности, поднимали боевой дух.

В марте во время жестоких боев в районе Бреслау нас, работников политотдела, отозвали из частей на совещание. И, встретившись на несколько часов, я и три моих товарища решили написать Федору Васильевичу Гладкову, поблагодарить за книгу, рассказать, как помогает она в политической работе.

Тогда же мы и сфотографировались вместе: Алексей Чуманов, Николай Подбельцев, я и Николай Карамин. Мы прибавляли уверенности, поднимали боевой дух.

В марте во время жестоких боев в районе Бреслау нас, работников политотдела, отозвали из частей на совещание. И, встретившись на несколько часов, я и три моих товарища решили написать Федору Васильевичу Гладкову, поблагодарить за книгу, рассказать, как помогает она в политической работе.

Тогда же мы и сфотографировались вместе: Алексей Чуманов, Николай Подбельцев, я и Николай Карамин. Мы прибавляли уверенности, поднимали боевой дух.

В марте во время жестоких боев в районе Бреслау нас, работников политотдела, отозвали из частей на совещание. И, встретившись на несколько часов, я и три моих товарища решили написать Федору Васильевичу Гладкову, поблагодарить за книгу, рассказать, как помогает она в политической работе.

Тогда же мы и сфотографировались вместе: Алексей Чуманов, Николай Подбельцев, я и Николай Карамин. Мы прибавляли уверенности, поднимали боевой дух.

В марте во время жестоких боев в районе Бреслау нас, работников политотдела, отозвали из частей на совещание. И, встретившись на несколько часов, я и три моих товарища решили написать Федору Васильевичу Гладкову, поблагодарить за книгу, рассказать, как помогает она в политической работе.